

случаев полнее представить архаическую сущность восточнославянской и общеславянской народной обрядности. Есть основание считать, что дальнейшие поиски и обстоятельное исследование карпатского фольклорно-этнографического материала принесут еще немало важных для науки находок.

**И. И. Крупник, М. С. Куповецкий**

**«ЛАХЛУХИ» — КУРДИСТАНСКИЕ ЕВРЕИ  
В СССР**

Тем, кто знаком с жизнью многонациональной столицы Грузии Тбилиси, возможно, доводилось слышать этноним «лахлухи». Термин этот в научной литературе неизвестен; его нет, во всяком случае, ни в одном сводном источнике по этнографии народов Кавказа. Впервые мы услышали его в 1980 г., не предполагая тогда, что с ним связана реально существующая этнографическая группа со своей особой исторической судьбой и своеобразной культурной традицией. Загадка малоизвестного этнонима привела нас к встречам с представителями этой группы в различных городах Грузии, Азербайджана и Средней Азии и позволила обнаружить в многонациональной мозаике населения нашей страны этническую единицу, практически не описанную в нашей этнографической литературе.

«Лаклухами» называют на Кавказе курдистанских евреев — представителей особой этнографической группы, проживавшей ранее в пограничных районах Ирана, Ирака и Турции и говорившей на новоарамейском (новоассирийском) языке. История курдистанских евреев в пределах СССР, их современный этнокультурный облик совершенно незнакомы широкому читателю. В настоящей статье мы попытались суммировать результаты наших поисков в 1981—1986 гг.<sup>1</sup>

Прямые и даже косвенные сообщения о говорящих на новоарамейском (ассирийском) языке курдистанских евреях в пределах современной территории СССР насчитываются единицами. Первое упоминание о них появилось в 1862 г. в русском приложении к издававшемуся в Вильно журналу «Гакармель», где сообщалось о временно проживавших в Тифлисе евреях — выходцах из Персии<sup>2</sup>. Отдельные сведения о евреях из Персии, живущих в Эривани и окрестных селениях, встречаются в некоторых еврейских источниках конца XIX в.<sup>3</sup> Но первая и единственная дореволюционная публикация, специально посвященная курдистанским евреям в России, относится к 1894 г. и принадлежит известному кавказоведу Л. Лопатинскому.

Л. Лопатинский записал от проживавших тогда в Тифлисе евреев — уроженцев г. Урмия Едигии бен-Ина и Измаила Сулеймана-оглы три фольклорных текста курдистанских евреев и опубликовал их в оригинале и по-русски, снабдив краткой историко-лингвистической заметкой. В ней он сообщил, что небольшая группа «евреев-арамейцев», или «евре-

<sup>1</sup> Помощь и доброжелательность всех наших информантов в Тбилиси (1981, 1982, 1983 и 1984 гг.), Баку и Кубе (1982 и 1983 гг.), Кутаиси (1982 г.), Алма-Ате (1986 г.) мы хотим отметить с особой признательностью. Мы благодарны также за ценные сообщения и консультации А. Г. Gabriеловой, М. А. Членову, Н. И. Бабаликашвили, М. А. Драчинскому, Г. В. Арсанису, Г. В. Цулая, Д. И. Сафарову, П. А. Калике и др. В 1981 г. в наших встречах с курдистанскими евреями принимал участие Л. М. Минц, в 1982 г. — И. Б. Котлер.

<sup>2</sup> Кавказец. Кавказские евреи // Приложение к журналу «Гакармель». 1862. № 3. С. 9.

<sup>3</sup> Письмо эриванских евреев И. Черному, напечатанное в «Гамагид» // День (Одесса). 1870. № 9; Черный И. Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю. СПб., 1884. С. 210 (на яз. иврит).

ев-айсор», из Иранского Азербайджана переселилась в Россию на территорию Закавказского края вместе с ассирийцами-христианами в 1828 г., после русско-персидской войны. «Они рассеялись отдельными семьями по Араксу (по Армении.—*Авт.*) и живут даже в небольшом числе в Тифлисе»<sup>4</sup>. Из сообщения Л. Лопатинского можно понять, что в Тифлисе сохранялась религиозная община курдистанских евреев (возникшая, судя по более ранним источникам, не позднее 1860-х годов); ее раввином был один из его информантов — Едигия бен-Ина. Еще одна община в конце XIX в. существовала в Эривани<sup>5</sup>.

В 1912 г. говорящие по-арамейски курдистанские евреи были отмечены в Баку и Тифлисе известным антропологом С. А. Вайсенбергом, который обмерил 30 взрослых мужчин<sup>6</sup>. О том, что курдистанские евреи ведут активную торговлю с Российским Закавказьем, сообщала и дореволюционная «Еврейская энциклопедия»<sup>7</sup>. Выделены они и в классификации народов Кавказа Н. Я. Марра среди других «религиозно-этнических общин невольных переселенцев» как «евреи с обиходным ново-сирийским — еврейско-айсорским языком (азербайджанские, не более сотни душ)»<sup>8</sup>. Наконец, их же под именем «персидских евреев г. Тбилиси» обследовала в 1929 г. антрополог Е. Н. Семенская (взявшая кровь у 127 чел.) при массовом сборе материалов по группам крови народов Кавказа<sup>9</sup>.

Существование в СССР группы «евреев-арамейцев», говорящих на диалектах ассирийского языка, было вновь отмечено почти 40 лет спустя тбилиским филологом А. Г. Габриеловой. В 1963 г. она провела лингвистические и фольклорные исследования среди курдистанских евреев, живущих в Алма-Ате, записав большое количество текстов и опубликовав впоследствии часть своих материалов<sup>10</sup>. Отдельные упоминания встречаются и в более поздних советских работах<sup>11</sup>.

История евреев в Курдистане описана в ряде исследований<sup>12</sup>. Опираясь на них и используя собранные нами материалы, этническую историю курдистанских евреев и их появление в пределах современной территории Советского Закавказья можно реконструировать следующим образом.

Первые еврейские поселенцы могли оказаться в Курдистане еще в конце VIII в. до н. э., после разгрома Израильского царства, когда его население было депортировано царем Саргоном II в окраинные горные районы Ассирийской державы<sup>13</sup>. Большинство их, видимо, ассимилировалось окружающим населением, а остальные слились с новыми

<sup>4</sup> Лопатинский Л. Еврейско-арамейские тексты. Заметка к ним//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. XX. С. 26.

<sup>5</sup> Пульнер И. М. Указатель литературы о кавказских евреях на русском, еврейском и иностранных языках//Рукопись (Библиотека Государственного музея этнографии народов СССР).

<sup>6</sup> Новейшие исследования евреев д-ра С. А. Вайсенберга//Русский антропологический журнал. 1912. Кн. XXX—XXXI. № 2—3. С. 190; Вайсенберг С. А. Исторические гнезда Кавказа и Крыма (из отчета о летней поездке 1912 г.)//Еврейская старина. 1913. Т. VI. С. 52—53; его же. Курдистанские евреи//Новый Восход. 1915. № 10—11.

<sup>7</sup> Еврейская энциклопедия. СПб. (б. г.). Т. IX. С. 924—925.

<sup>8</sup> Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа//Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1920. Вып. 3. С. 60.

<sup>9</sup> Семенская Е. М. Изучение групп крови народов Кавказа//Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 213—214; развернутый текст с аналогичным названием опубликован в сб.: Вопросы биологии и патологии евреев. Л., 1930. Т. III. Вып. I. С. 41.

<sup>10</sup> Габриелова А. Г. Образец арамейской речи салмасских евреев//Восточная филология. Тбилиси, 1969. I (на груз. яз.).

<sup>11</sup> Бабаликашвили Н. И. О еврейских эпиграфических памятниках Кавказа//Семилогические штудии. Тбилиси, 1983. I. С. 112; Членов М. А. Евреи Советского Союза//Советиш Геймланд. 1982. № 7. С. III.

<sup>12</sup> Fischel W. J. The Jews of Kurdistan a Hundred Years Ago. A Traveller's Record//Jewish Social Studies. 1944. № 6. P. 195—226; Brauer E. The Jews of Kurdistan. Jerusalem, 1947; Ben-Zvi I. The Exiled and the Redeemed. N. Y. 1957; Sabar J. Yehude Kurdistan//Sefunot. 1966. V. 10; Neusner J. The History of the Jews in Babylonia. Leiden, 1966—1970. V. 1—5; Sabar J. The Folk Literature of the Kurdistan Jews. An Anthology//Yale Judaica Series. 1982. V. XXIII etc.

<sup>13</sup> См. Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 208—209.

группами евреев, переселенными в VI в. до н. э. из Иудеи в Вавилонию и позднее осевшими в ее северных районах. Во второй половине I тыс. до н. э. курдистанские евреи, как и все еврейское население Ближнего Востока, постепенно усваивают в качестве разговорного арамейский язык.

С середины I тыс. н. э. основная масса евреев Передней Азии переходит на персидский, а с VIII в., также на арабский язык. К X—XII вв. арамеоязычными остаются только евреи горных районов Курдистана и западной части Иранского Азербайджана; в это время они продолжают оставаться здесь весьма заметной группой населения<sup>14</sup>. И лишь позднее вследствие насильственной исламизации и жестоких войн между Османской империей и Персией, опустошавших этот край, их численность резко сокращается.

В конце XIX — начале XX в. здесь было, по разным оценкам, от 12 до 18 тыс. евреев<sup>15</sup>. Основная часть их проживала в городах, остальные — в сельской местности. В районах Башкалы и Гавара (современные города Башкале и Юксекова в Турецком Курдистане), Урмии и Салмаса (современные города Резайе и Шахпур в Иранском Азербайджане), откуда шла миграция в Закавказье, насчитывалось тогда от 3 до 5 тыс. евреев<sup>16</sup>. Жили они сравнительно небольшими группами среди курдов, ассирийцев и армян. Большинство занималось торговлей (в том числе мелкой вразнос), остальные — ремеслами и земледелием<sup>17</sup>.

Проникновение евреев с территории Курдистана в Закавказье происходило, очевидно, еще в античности<sup>18</sup>. Несомненно, продолжалось оно и в средневековье. Сведения об этом сохранились для XVIII в. По сообщению Б. В. Миллера, квартал (махалля) Агаджани в еврейской слободе близ г. Кубы в Северном Азербайджане был создан переселенцами из Персии, «где они жили где-то близ Саккыза»<sup>19</sup>. Саккыз (соврем. Секкез) — город в Иранском Курдистане, где традиционно проживали арамеоязычные евреи. Выходцы из Урмии, одного из главных их центров в Северо-Западном Иране, влились в состав горских евреев Варташена. Предания об этом были зафиксированы в середине прошлого века И. Черным<sup>20</sup>.

Появление самостоятельных компактных групп курдистанских евреев в Закавказье — сначала в Эриванской губернии, а затем в Тифлисе и Баку — относится к первой половине XIX в. Л. Лопатинский связывает это с переселением ассирийцев в 1827—1828 гг.<sup>21</sup> Скорее можно полагать, что некоторое число курдистанских евреев оказалось среди нескольких десятков тысяч армян, переселенных русским правительством в то же время из Иранского Азербайджана (районов Урмии, Салмаса, Хоя)<sup>22</sup>. Первоначально они обосновывались вместе с армянами и ассирийцами в селениях Камарлу, Цемези и Вигдор. Позднее большинство их переселилось в Эривань и Тифлис, а в последней четверти XIX в. — также в Баку.

<sup>14</sup> Путешествие р. Вениамина Тудельского // *Марголин П.* Три еврейских путешественника XI—XII ст.: Эльдад Данид, Вениамин Тудельский и Петахий Регенсбургский. СПб., 1881. С. 100—101.

<sup>15</sup> *Jewish Encyclopedia*. N. Y., 1904. V. VIII. P. 585—586.

<sup>16</sup> Согласно данным о числе семей, приводимым Л. Лопатинским: Указ. раб. С. 30; *Маевский В. Т.* Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904. С. 58.

<sup>17</sup> *Ben-Zvi J.* Op. cit. P. 49; *Garbell J.* The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Persian Azerbaidjan. Leiden, 1965. P. 14.

<sup>18</sup> *Neusner J.* Op. cit. V. 3. P. 339—353.

<sup>19</sup> *Миллер Б.* Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929. С. 20.

<sup>20</sup> *Черный И.* Указ. раб. С. 324.

<sup>21</sup> *Лопатинский Л.* Указ. раб. С. 30. В составе этой группы было только 100 семей ассирийцев-христиан (см. подробнее: *Матвеев К. П.* (Бар-Маттай). Ассирийцы в городах Европейской части СССР // *Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР*. М., 1985. С. 46—47.

<sup>22</sup> Отчет полковника Лазарева командиру Кавказского корпуса Паскевичу-Эриванскому // *Глинка С.* Описание переселения армян адербейджанских в пределы России. СПб., 1831. С. 114—131.

Эти первые небольшие группы курдистанских евреев в Закавказье постепенно увеличивались за счет новых мигрантов (зачастую нелегальных) из пограничных районов Турции и Персии. Переселение стимулировалось уже налаженными путями и связями еврейских торговцев, а также крайне нестабильной обстановкой в Турецком и Иранском Курдистане. Так, в начале 1900-х годов небольшая группа евреев-беженцев из Турции обосновалась в русском селении Воронцовка (соврем. Калинино) на севере Эриванской губернии, где уже жили выходцы из Урмии и Салмаса. Несколько мужчин из этой группы были перед этим убиты курдами-йезидами. Дети, выросшие в Воронцовке, владели русским языком и даже ходили в русскую школу<sup>23</sup>.

К началу первой мировой войны в России было уже, очевидно, несколько сотен курдистанских евреев. Дальнейшая их история хорошо восстанавливается по воспоминаниям наших информантов. В годы войны в результате нападений курдов и непрекращающихся боевых действий еврейское население районов Башкале, Гавара, Урмии и Салмаса превратилось в беженцев<sup>24</sup>. Значительная их часть (вероятно, не менее нескольких сотен семей) перешла границу и оказалась в Закавказье. Основной поток шел через г. Джульфу. Беженцы вливались в уже существующие общины курдистанских евреев в Эривани, Тифлисе, Баку, а также образовали новые группы в Рустави, Манглиси, Коджори, Гяндже (Кировабад) и др. Все они длительное время не имели русского подданства.

По сообщениям наших информантов в 1920—1930-е годы курдистанские евреи, осевшие в Армении, переехали в Грузию, где большинство их сосредоточилось в Тбилиси. В конце 1930-х годов значительная часть лиц, не принявших к тому времени советского подданства, была репатрирована в Иран. Это коснулось прежде всего жителей Баку и в меньшей степени Тбилиси. В конце 1940-х — начале 1950-х годов основная масса курдистанских евреев из Грузии, сохранявших иностранное подданство, была переселена в Казахстан. К концу 1950-х годов почти все они сосредоточились в Алма-Ате; некоторые вернулись обратно в Грузию.

К сожалению, оценить общую численность курдистанских евреев в Закавказье в XIX — первой половине XX в. можно лишь самым приблизительным образом. Многие из них жили нелегально или не принимая подданства; и потому даже в тех статистических сводках, где они выделены в особую группу, их численность явно занижена. Л. Лопатинский, встречавшийся с «евреями-арамейцами» в Тифлисе, привел цифры только для Эриванской губернии («не более полусотни душ»), сославшись на официальный «Свод статистических сведений о населении Закавказского края» (Тифлис, 1893 г.)<sup>25</sup>. По переписи 1897 г. на Кавказе было отмечено лишь 24 «иудея» с родным ассирийским или курдским языком, из них 22 человека (все — женщины!) в Эриванской губернии<sup>26</sup>. Городская перепись 1913 г. в Баку зафиксировала в городе уже 177 «иудеев» с родным сирийским (арамейским) языком<sup>27</sup>. При Всесоюзной переписи 1926 г. курдистанские евреи, как мы полагаем, были отмечены на территории Закавказских республик как «среднеазиатские евреи», причем в значительной части как «среднеазиатские еврей-иностранцы». Таковых всего оказалось 339 чел.: 200 мужчин и 139 женщин, из них

<sup>23</sup> Сообщение М. Рагимова (1915), родившегося в Воронцовке и ныне проживающего в Тбилиси.

<sup>24</sup> Garbell J. Op. cit. P. 14; Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatole. Istanbul, 1939. V. 2. P. 326. В годы первой мировой войны еврейские торговцы были важными нелегальными поставщиками оружия для отрядов ассирийской самообороны (сообщение Г. В. Арсаниса, 1983).

<sup>25</sup> Лопатинский Л. Указ. раб. С. 26.

<sup>26</sup> Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1905. Т. XIX. С. 89; Т. XXI. С. 65.

<sup>27</sup> Перепись Баку 1913 г. Баку, 1916, Ч. III. Вып. I. С. 32—37.

146 «иностранцев»<sup>28</sup>. Кроме того, на территории Грузии было зарегистрировано еще 217 евреев «иностранного подданства» (почти все в Тбилиси), среди которых также наверняка были и евреи из Курдистана. Реальная численность курдистанских евреев в СССР в 1920-е годы вполне могла составлять 2—3 тыс. чел.: наши информанты говорили, что в самых крупных группах — бакинской и тбилисской — было тогда по «несколько сотен» семей.

Репатриация в конце 1930-х годов, переселение в Казахстан существенно повлияли на динамику численности и размещение курдистанских евреев на территории СССР. В настоящее время большинство их проживает в Алма-Ате (по их собственным оценкам, от 100 до 150 семей, т. е. около 500—700 человек), а остальные — преимущественно в Тбилиси (50—70 семей, или 200—300 человек). Отдельные семьи или лица в составе смешанных семей имеются в Баку, Фрунзе, Кубе, Дербенте, а также Москве и других крупных городах. Таким образом, всего курдистанских евреев в СССР сейчас вряд ли больше 1—1,5 тыс. человек.

Память современных информантов о Курдистане и старых местах жительства уже очень смутная; прежняя устная традиция быстро угасает со смертью людей старшего поколения. В начале 1960-х годов курдистанские евреи в Алма-Ате еще помнили о происхождении отдельных семей из Урмии, Салмаса, Башкале или Гавара<sup>29</sup>; но теперь как в Тбилиси, так и Алма-Ате эти названия известны только немногим лицам старшего возраста. Большинство людей помнит, что их предки происходят из Ирана или Турции; но в разговоре чаще пользуются названиями крупных городов (или административных подразделений): Тебриз, Урмия, Ван, Карс и др. Ни один из наших собеседников не употребил слов «Курдистан» или «курдистанские евреи», и лишь один информант в Кубе помнил, что его старшие родственники помимо «лахлухинского» (т. е. ассирийского) языка владели еще и курдским.

Оказавшись в Закавказье и осев в крупных многонациональных городах, большинство беженцев из Курдистана обратились к привычной для них мелкой торговле, но многие стали чернорабочими, строителями (каменщиками), ремесленниками, водовозами. Позднее среди них появились служащие, квалифицированные рабочие, шоферы, представители интеллигенции. В Казахстане курдистанские евреи были первоначально расселены в сельскохозяйственных поселках вокруг Алма-Аты, но постепенно переехали в город, где стали работать главным образом в торговле и общественном питании (буфетах, столовых, уличных шашлычных и т. п.). В последние годы среди них также возросла прослойка интеллигенции.

Наши сведения об особенностях материальной культуры курдистанских евреев в Закавказье чрезвычайно скудны. Как и всякие нелегальные эмигранты и беженцы, они смогли сохранить от своей прежней жизни лишь немногие элементы быта — одежду, украшения, блюда национальной кухни. На новом месте, став преимущественно жителями крупных городов, они очень быстро заимствовали основные элементы общекавказской городской культуры XX в. По воспоминаниям одного информанта-ассирийца, во времена его детства в Тбилиси в 1940-х годах жившие по соседству курдистанские евреи ничем не отличались от окружающего населения, и только в Пасху старики надевали «традиционные ассирийские шапки, сделанные из войлока в виде высокого конуса (?)». Большинство встреченных нами представителей этой группы в Тбилиси и Алма-Ате носили обычную городскую одежду, хотя некоторые мужчины старшего возраста в Тбилиси сохраняли элементы так называемого кавказского мужского костюма (сапоги, брюки-галифе, большие кепки и т. п.).

<sup>28</sup> Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. XIV. С. 11, 13, 17, 27, 39. Собственно среднеазиатские (бухарские) евреи нигде, кроме этого источника, не отмечались на территории Закавказья.

<sup>29</sup> Сообщение А. Г. Габриеловой (1983).

Дольше всего культурная специфика, видимо, сохранялась в пище, которая, по словам наших тбилисских информантов, до сих пор отличается от пищи грузинских евреев. Из числа своих традиционных блюд они называли: гороховый суп с рисом (*моэ*); тефтели из говяжьего мяса с рисом и курдючным салом (*шифта*). В Алма-Ате, как и в Тбилиси, сейчас широко распространены блюда, общие для большинства закавказских народов: голубцы из виноградных листьев (*толма*), тефтели с рисом (*кюфта*), сладкий плов с фруктами, люля-кебаб и др.

Наши информанты утверждали, что в их среде уже не сохраняются старинные предания, сказки, музыкальный фольклор. Трудно судить, насколько справедливы подобные высказывания, учитывая известное богатство фольклора курдистанских евреев<sup>30</sup> и материалы, собранные более двух десятилетий назад А. Г. Габриеловой в Алма-Ате.

Старшее и среднее поколение сохраняет приверженность религиозной традиции или, во всяком случае, посещает в Тбилиси и Алма-Ате синагоги в дни еврейских праздников и отмечает некоторые из них дома. По сообщениям многих информантов, в Алма-Ате в большей степени поддерживается старая духовная традиция, коллективно справляются многие праздники и семейные торжества, лучше сохраняется ассирийский разговорный язык.

Записанные нами имена лиц старшего и среднего поколений в основном библейские — Моше, Давид, Исраэль, Симон, Яков, Шамуэль, Иосеф, Рахиль, Сарра и др. Судя по составленным нами генеалогиям нескольких семей, многие люди, жившие в конце XIX — первой половине XX в., имели мусульманские формы библейских имен: Сулейман, Ильяс, Муса, Шамиль — редуцированная форма от Шамаил, Раим или Рахим — редуцированная форма от Рахамим и др.; среди женщин очень распространены тюркские и персидские имена (Гюльбахар, Гули, Джавахир, Пари, Султан, Телли или Теллу, Ханум, Алмас и т. п.)<sup>31</sup>. Отчетливо прослеживается также общеврейская традиция давать детям имена в честь недавно умерших родственников. Современный именник живущих в СССР курдистанских евреев, подвергся заметной русской адаптации и теперь в целом весьма близок ашкеназскому (Лева, Миша, Абрам, Яков, Роза, Соня, Рая и т. п.).

Набор известных нам фамилий курдистанских евреев выглядит чрезвычайно пестрым, поскольку включает основы (чаще всего библейского происхождения) в самом разном «оформлении»: Исаков, Мурдухов, Абрамов, Сулейманов, Минасов, Шамаилов, Исмаилов, Рагимов (от имени Рагим-Рахамим), Ибрагимов, Давтян, Саакян, Аруни, Арун-заде, Исаак-заде, Зулум-заде, Паша-оглы, Сулейман-оглы и т. п. Все они с очевидностью являются отыменными формами, образованными по типу отчеств<sup>32</sup>.

Наши информанты утверждали, что современные фамильные имена (фамилии) у курдистанских евреев появились только в России и потому играют весьма ограниченную роль в их социальной жизни. Носители одной фамилии не считаются родственниками и могут свободно вступать в браки. По словам информантов, традиционно даже были предпочтительны браки с близкими родственниками, например женитьба на дочери сестры матери. Нынешнее молодое поколение, выросшее в Грузии, в среде с другими этническими традициями, близкородственных браков избегает. Некоторые пожилые информанты помнили об обязательности

<sup>30</sup> Его разнообразные жанры, включая исторические предания, сказки, былички, песни, магические заклинания и т. п., представлены в фундаментальных сводках: Garbell J. Op. cit. P. 117—280; Sabar J. The Folk Literature...; Ben-Jakov A. Kehilot iehudi Kurdistan beziruf shirim upiyutim. Jerusalem, 1961 (на иврите); см. также Матвеев К. П. (*Бар-Маттай*). Из фольклора ассирийских евреев // Советиш Геймланд. 1970. № 7. С. 148—151 (на яз. идиш).

<sup>31</sup> А. Г. Габриелова любезно прислала нам список имен 11 своих информанток в Алма-Ате в 1963 г.: Алмас, Джава(х)ир — 4 чел., Мирваре, Нане, Нуна, Симха, То-ве, Эмина.

<sup>32</sup> Ср. имена информантов Л. Лопатинского: Едигия бен-Ина и Исмаил Сулейман-оглы.

в прошлом левиратного брака в случае смерти старшего брата; по одному сообщению, раньше в подобной ситуации разрешалось многоженство. Родственные связи и взаимные обязанности распространяются сейчас у курдистанских евреев по двум линиям — отцовской и материнской, но родственники по отцу все же считаются более близкими<sup>33</sup>.

Как нелегальные иммигранты или разоренные войной и не знающие местного языка беженцы курдистанские евреи первоначально заняли обособленное и явно малопrestiжное место в структуре крупных и весьма разноликих еврейских общин Баку и Тбилиси. Существование до войны в этих городах отдельных «лахлукских» синагог<sup>34</sup> поддерживало эту обособленность, следы которой в Тбилиси и Алма-Ате сохраняются и до настоящего времени. Взаимоотношения курдистанских евреев с говорящими с ними на одном языке ассирийцами в Тбилиси, по словам представителей обоих этносов, были достаточно дружескими, хотя в браки они не вступали. Такие же отношения складывались и в Алма-Ате.

Разговорный ассирийский язык курдистанских евреев еще Л. Лопатинский определил как «еврейско-арамейское» или «еврейско-айсорское» наречие, т. е. употребляя современную терминологию как особый этнолект. Это же подчеркивали позднее все исследователи<sup>35</sup>. Наши информанты — как евреи, так и ассирийцы — также отмечали заметное своеобразие выговора лахлуков, прежде всего на уровне артикуляции, ударения и интонаций. По мнению А. Г. Габриеловой, разговорная речь курдистанских евреев фонетически столь своеобразна, что ассирийцы часто не могут ее свободно понимать. Кроме того, в ней содержится определенное число заимствований из древнееврейского языка, особенно культурной и ритуальной лексики, не известной христианам-ассирийцам<sup>36</sup>. Как мы смогли убедиться, этот пласт в той или иной степени сохраняется до сих пор.

По данным лингвистического обследования А. Г. Габриеловой, в 1960-е годы среди курдистанских евреев в Алма-Ате сохранялись те же фонетические варианты северного диалекта новоарамейского языка, которые были распространены ранее в Турецком и Иранском Курдистане, — говоры (субдиалекты) Урмин, Салмаса, Башкалы и Гавара<sup>37</sup>. Ассирийский язык представителей этой группы в Тбилиси лингвистически не описан.

Еще Л. Лопатинский отметил в речи закавказских «евреев-арамеев» большое число тюркских, курдских, персидских, армянских и даже русских заимствований. Известно, что большинство евреев Курдистана издавна были многоязычными и помимо ассирийского владели также турецким, а часто еще курдским и персидским языками<sup>38</sup>. Сейчас все встреченные нами лица, в том числе представители старшего поколения, достаточно свободно говорили по-русски, а также по-грузински (в Тбилиси и Алма-Ате), по-азербайджански и по-татски (в Баку и Кубе). Люди молодого возраста в Тбилиси и Алма-Ате почти все заканчивали русские школы и охотнее говорят по-русски, сохраняя ослабленное или даже пассивное знание разговорного ассирийского языка.

<sup>33</sup> Сообщения информантов из Тбилиси, Кубы и Алма-Аты.

<sup>34</sup> В Тбилиси у курдистанских евреев первоначально была своя синагога в Авлабаре, преимущественно армянском квартале на левом берегу Куры. Она была описана в начале XX в. участником этнографической экспедиции Петербургского еврейского историко-этнографического общества С. Саминским (*Саминский С. О туземных синагогах Тифлиса // Новый Восход. 1914. № 5. С. 32*). После войны курдистанские евреи совместно с горскими имели небольшую синагогу в правобережной части города (сейчас ею пользуются ашкеназы). В Баку «лахлукская» синагога находилась на ул. Димитрова.

<sup>35</sup> Габриелова А. Г. Указ. раб. С. 58; Церетели К. Современный ассирийский язык. М., 1964. С. 10; Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. М., 1974. С. 14—15; Garbell J. Op. cit. P. 13—15.

<sup>36</sup> Ср. Лопатинский Л. Указ. раб. С. 29.

<sup>37</sup> Сообщение А. Г. Габриеловой (1983 г.). О говорах языка курдистанских евреев см. подробнее Garbell J. Op. cit. P. 13—16.

<sup>38</sup> Лопатинский Л. Указ. раб. С. 27, 29; Garbell J. Op. cit. P. 15.

В прошлом курдистанские евреи писали по-арамейски буквами еврейского алфавита. Старшее поколение помнит об этом; немногие лица еще умеют читать религиозную литературу. При этом они четко осознают близость своего разговорного языка и иврита. По одному сообщению, богослужение в старой «лахлухской» синагоге в Баку в 1930-е годы шло на арамейском языке.

Браки курдистанских евреев с представителями других этнографических групп евреев (прежде всего грузинскими и горскими) появились уже в начальный период их пребывания в Закавказье. В конце XIX в. они были, видимо, обычным явлением<sup>39</sup>. В Тбилиси, Баку, Кубе и Алма-Ате нам известны потомки от таких браков среди людей пожилого возраста, а среди молодежи — уже во втором и третьем поколении. Судя по составленным нами генеалогиям, сейчас браки с европейскими, грузинскими и горскими евреями численно преобладают.

По крайней мере с предвоенного времени известны среди курдистанских евреев в Тбилиси и браки с представителями других национальностей (прежде всего с русскими). Нам называли также смешанные семьи, живущие в Москве, Фрунзе, Ташкенте, Жданове. В Алма-Ате в начале 1960-х годов смешанные браки были еще очень редкими. По отзывам всех информантов, лица смешанного происхождения обычно утрачивают преемственность культурной традиции и не владеют ассирийским языком.

Несмотря на смешанные браки и ускоряющееся растворение среди более многочисленных грузинских, горских или европейских евреев, курдистанские евреи в Тбилиси и Алма-Ате сохраняют четкое этническое самосознание. Практически все опрошенные нами лица по-русски называли себя «евреями»; так, по их словам, они и записаны в паспортах<sup>40</sup>. Та же ситуация, по сообщению А. Г. Габриеловой, наблюдалась в начале 1960-х годов в Алма-Ате.

Откуда в таком случае появился этноним «лахлухи»<sup>41</sup>? Сами себя курдистанские евреи называют «исраэль» или «уде» (*hude* — т. е. евреи), а свой язык — «лешана уде» (язык евреев). Говоря о себе по-русски, они, как уже отмечалось, чаще пользуются словом «евреи», хотя все знают этноним «лахлухи» и употребляют его в своей среде (чаще используя множественную форму «лахлухим»). Ассирийцы называют их «(и)ху-дайя» (т. е. опять-таки «евреи, иудеи») или «ху-дайя сурайя» — «ассирийские евреи»; в Иране они были известны по названиям местностей: «ху-дайя д-Урмия», «ху-дайя д-Заху», «ху-дайя д-Синнаасаккыз» (евреи Урмии, Захо, Синандеджа и т. п.)<sup>42</sup>. По одному сообщению, в 1940-х годах в Тбилиси слово «лахлухи» широко употреблялось в обиходе между ассирийцами, но называть так евреев в глаза считалось «неприличным»<sup>43</sup>. Тем ассирийцам, кто жил вне Тбилиси, этот этноним неизвестен. Курды называют арамеоязычных евреев «схюх» или «мосави», а живущие на Кавказе евреи-ашкеназы знают их как «персидских евреев» (по-видимому, так этот этноним и попал на страницы русскоязычных публикаций первой половины XX в.). В зарубежной научной литературе говорящие по-арамейски евреи Курдистана (с конца 1940-х годов почти все они сосредоточены в Израиле) известны как *Kurdistan Jews* или *Kurdish Jews*, реже как *Aramaic Jews*.

Насколько мы можем судить, этнонимом «лахлухи» активно пользуются в Тбилиси лишь представители местных еврейских групп (осо-

<sup>39</sup> Ср. *Лопатинский Л.* Указ. раб. С. 26—27.

<sup>40</sup> Так же были записаны и представители старшего поколения, включая беженцев из Ирана и Турции.

<sup>41</sup> В Азербайджане (Баку и Кубе) он известен в форме «ляхлухи» или «ляхляха», среди грузинских евреев в Кутаиси — «лахляха». Единственное его упоминание в литературе мы нашли в романе грузинско-еврейского писателя Г. Д. Баазова, где буквально сказано следующее: «Ляхлуха (!) — так называют в Тбилиси персидских евреев, которые говорят на своеобразном еврейском жаргоне» (*Баазов Г.* Петхаин. М., 1936. С. 12).

<sup>42</sup> Сообщение Г. В. Арсаниса (1983 г.).

<sup>43</sup> Сообщение Д. И. Сафарова (1982 г.).

бенно грузинские евреи), хотя далеко не всегда понимают его смысл и обычно путаются в этническом содержании. Столь же смутно представляют значение слова «лахлухи» горские евреи в Баку и Кубе. По их словам, в Кубе так иногда называют евреев Варташана, но чаще представителей «чужих», малоизвестных групп восточных евреев.

Наконец, и сами курдистанские евреи-лахлухи в большинстве случаев затрудняются объяснить происхождение этого этнонима. Иногда они прибегают к различным формам «народной этимологии»: «чужие не понимают, как мы говорим, слышат *лях*, *люх* — вот и называют „ляхлюх“». Такая этимология имеет какие-то основания: в ассирийском, как и во всех семитских языках, действительно очень часто употребляются согласные *л* и *х* в чередовании с гортанными гласными звуками.

Но этимология слова «лахлух» выводится и непосредственно из ассирийского или еврейского языков. По-ассирийски глагольная основа *лхлх* (*лахлих*) в звучании «ляхлюхи» означает «бродить, скитаться, рыскать в поисках чего-либо». В таком контексте слово «лахлух» может быть переведено как «скиталец, бродяга» и именно так интерпретируется большинством ассирийцев<sup>44</sup>. Очевидно, к этой основе возводится услышанное нами от самих курдистанских евреев в Тбилиси объяснение названия «лахлух»: «лях-люх» (в других вариантах: «лаха-леха») означает «здесь и там», «туда и сюда», т. е. опять же в смысле «странник, скиталец». Эта этимология выглядит наиболее правдоподобной. В иврите имеется, однако, та же однокоренная общесемитская основа *лхл* ((г'а)лах — (h) lk) — «ходить»; но также и другая основа — *лхлх* (лахлах — lhlh), которая в форме «лихлэх» означает «пачкать», «загрязнять», а в форме «лухлах» — «быть загрязненным, запачканным». Два последних глагола дают производные существительные «лихлэх» — «загрязнение, грязь» и «лахлхан» — «грязнуля» (обычно имеет пренебрежительный, пейоративный характер)<sup>45</sup>. Наконец, в иврите есть еще одна глагольная основа *лхлх* (лахлах — lhlh) — «быть влажным», дающая производные прилагательные «лахлухи» — «влажный, увлажненный», а также в переносном значении «оживленный, живой»<sup>46</sup>.

В современном грузинском языке слово «лахлухи» отсутствует; но в средневековом грузинском имелось понятие «лахлахи», означавшее «ковыляние, безобразную поступь» (обычно применительно к домашней птице)<sup>47</sup>. Как видно, в большинстве вариантов этимологии слово «лахлух» выступает как сленговое или пейоративное образование. Неудивительно, что сами курдистанские евреи в Тбилиси и Алма-Ате предпочитают им не пользоваться, хотя достаточно спокойно воспринимают его и употребляли в разговорах с нами по-русски. В Азербайджане в тюркской и иранской языковой среде этноним «лахлухи» имеет, по-видимому, нейтральный характер, и местные потомки курдистанских евреев называли его нам без всякого затруднения. В Алма-Ате он также известен скорее как сленговое образование, но и здесь в условиях тюркского и русского этнического окружения его пейоративное звучание ослаблено.

Каково место описанной нами группы в системе этнической классификации? Так как попавшие в Закавказье в XIX — начале XX в беженцы из Курдистана оказались в новом этносоциальном и этнокультурном окружении, их следует рассматривать как особую этнотерриториальную группу в составе субэтнической общности курдистанских евреев (около 70—80 тыс. человек), проживавших в течение многих столетий в пограничных районах Турции, Ирана и Ирака<sup>48</sup>. В то же время, учитывая вы-

<sup>44</sup> Сообщение Г. В. Арсаниса (1982 г.).

<sup>45</sup> Иврит-русский словарь/Сост. Шапиро Ф. Л. М., 1963. С. 294. Одна информантка из Тбилиси сообщила, что с детства знает слово «лахлухэби» в смысле «грязнуля, неряха». По-видимому, это форма местного грузинско-еврейского аргю; связь ее с основой *лхлх* («пачкать») очевидна.

<sup>46</sup> Консультация М. А. Членова.

<sup>47</sup> См. Толковый словарь грузинского языка (в 8-ми томах, на груз. яз.). Тбилиси, 1955. Т. 4. С. 1504 (консультация Г. В. Цулая).

<sup>48</sup> О таксономическом положении курдистанских евреев по современным данным антропологии см. подробнее: Godberg M. J., Kopec A. C., Mourant A. E., Tills D., Leh-

раженное самосознание, своеобразную историческую традицию и особый разговорный язык, мы можем считать курдистанских евреев, живущих в СССР, самостоятельной субэтнической общностью в составе еврейского населения нашей страны. Прослеженная нами их история в пределах Закавказья — весьма интересный пример своеобразия культурно-языковых процессов у малых или дисперсно расселенных этносов. Для этнографа она служит моделью развития этнической единицы, возникающей при смене группой переселенцев или беженцев прежнего этнического окружения и установлении тесных связей с местными одноконфессиональными общинами и автохтонным населением.

*mann E. E. Biological Studies of Yemenite and Kurdish Jews in Israel and Other Population Groups in South-West Asia//Philos. Transactions Royal Society. 1973. Ser. B. 266. P. 169—184; Mourant A. E., Kopec A., Domaniewska-Sobczak K. The Genetics of the Jews. Oxford, 1978. P. 23, 27—29; Carmelli D., Cavalli-Sforza L. The Genetics Origin of the Jews: a Multivariate Approach//Human Biology. 1979. V. 51. № 1. P. 42—53; Kobylansky E., Micle S., Goldschmidt-Nathan M., Arensburg B., Nathan H. Jewish Populations of the World: Genetic Likeness and Differences//Annals Human Biology. 1982. V. 9. № 1. P. 14—25.*

**А. Д. Магомедов**

**МУЖСКИЕ НАБОРНЫЕ ПОЯСА НАРОДОВ  
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ФОРМИРОВАНИЕ  
И РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ**

Мужские наборные пояса — один из необходимых элементов традиционного мужского костюма народов Кавказа. В прошлом такой пояс выполнял важную функцию: к нему подвешивали оружие (кинжал, нож и др.), пороховницу, огниво, трут. Все вместе было обязательной частью традиционного мужского костюма. Со временем, когда отпала необходимость в таких предметах, наборный пояс превратился в элемент украшения мужской одежды. В отличие от других изделий народного ювелирного искусства (оружие, женские украшения) пояса до настоящего времени мало привлекали внимание исследователей, составителей альбомов, авторов других изданий по декоративно-прикладному искусству<sup>1</sup>. Лишь в ряде работ встречались отдельные зарисовки, фотографии наборных поясов<sup>2</sup>.

В данной статье речь пойдет о кавказских мужских поясах, называемых в литературе наборными (рис. 1). Такие пояса изготовлялись путем закрепления<sup>3</sup> металлических или костяных деталей-накладок на кожаной основе пояса. Типологически они составляют особую группу. Другой тип мужских наборных поясов широко бытовал у калмыков и закавказских народов (грузин, армян)<sup>4</sup>. Они составлены из бляшек — «обоймиц»,

<sup>1</sup> См.: Декоративное искусство Дагестана. М., 1971; Искусство Кубачи. Л.: 1976; Искусство Дагестана: декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура, графика. М., 1981 и др.

<sup>2</sup> См.: Кавказское оружие. Издание ГИМ. Б. м., б. г.; Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.

<sup>3</sup> Накладки крепились в основном двумя способами. Первый — крепление с помощью металлической скобы, напаянной на оборотной стороне бляшки. После посадки ее в прорезь на коже пояса в просвет скобы, заметной с оборотной стороны пояса, вставлялся кожаный лоскут. При необходимости бляшка легко снималась. Второй способ — крепление наконечника, чаще всего изготавливавшегося с объемным углублением на одном конце. В него вставлялся конец пояса или подвески, который скреплялся с наконечником своеобразной кожаной заклепкой из кусочка кожаного шнура, продетого через отверстия в наконечнике и конце кожи пояса. В отличие от металлической такая заклепка не разрывала кожу при растяжениях.

<sup>4</sup> См.: Эрендженов К. Золотой родник. О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста, 1985. С. 52—54; Прикладное искусство Грузии. Комплект из 18 цветных открыток. М., 1984.